

стоятельствам, оказывается сродни апокалипсическим видениям. Непомерная гордыня разума приведет цивилизацию к гибели — таков основной посыл «Хождения Джозниса».

Судьбы человеческих идеалов, заключенных в утопии, сложны и противоречивы. Они драматичны, как драматична сама история. Именно философского понимания этих моделей будущего так не хватало нашей науке, ограничивавшейся описанием идей лишь немногих мыслителей. Значимость их воззрений определялась принадлежностью философов к утопическому социализму. И только в последнее время, благодаря работам таких авторов, как Э. Я. Баталов, Э. А. Араб-Оглы, Ч. С. Кирвель, С. С. Сизов и, конечно же, В. А. Чаликова, этот упрощенный подход во многом преодолен. В утопии стали видеть не донанучный способ осмысления мира, постепенно исчезающий из общественного сознания, а его постоянную составляющую.

На пути постижения истины обществу требуется трезвое критическое сомнение, умение сопоставить идеал с реальностью. Ему необходимо осмыслить себя заново на каждом этапе, каждом новом витке развития. Книга «Утопия и утопическое мышление» — еще один важный и серьезный шаг в этом направлении.

А. ЛУКИН

Интервью

Журнал предполагает напечатать ряд интервью о работе наших издательств: читателям, вероятно, будет интересно узнать, что ожидает их на книжных прилавках. Наш первый гость — Григорий Ерицян, генеральный директор совместного советско-британского предприятия «Слово», куда входит издательство «Экслибрис».

«...ЗА ВСЕ БОГАТСТВА АЗИИ»

— Григорий Шагенович, ваше новое, молодое издательство как бы априорно имеет перед другими целый ряд преимуществ: оно, например, не создавалось как «контрпропагандистское», за ним не тянется шлейф прошлых лет. Как бы вы определили основную идею «Экслибриса»?

— Принято считать, что Россия — самая читающая страна в мире. Возможно, это и так, но если попытаться выяснить — что русские люди читают сегодня, если заняться исследованием того, как они читают, то миф о «самой читающей стране» даст серьезную трещину. Освальд Шпенглер в «Закате Европы» писал о «вспышках варварства», характеризующих период переходный от — пользуясь его терминологией — «культуры к цивилизации». Именно такая «вспышка» в России сейчас и наблюдается, причем она очень затянулась. «Порвалась

дней связующая нить...». Так вот мы осознаем себя одними из тех, кто призван «...обрывки их соединить». И это вполне реально, так как все же традиционно русский читатель действительно лучший в мире: самый отзывчивый, самый благодарный.

— А вы не боитесь прогореть?

— Мы не боимся прогореть ни в финансовом, ни в каком-либо другом смысле. С самого начала мы стремились к тому, чтобы наши успехи или неуспехи как можно меньше зависели от ситуации в стране. Инфраструктура «Слова» такова, что, думается, «Экслибрис» сможет издавать то, что хочет, что считает нужным, мы подвели под него, говоря бюрократическим языком, фундаментальную материально-техническую базу. Она и позволяет нам не беспокоиться, будет ли сразу же распродан тираж изданной нами книги или нет. Более того — мы нередко сознательно идем на то, что выпускаем заведомо убыточные — в финансовом отношении — книги, например, том прозы Юрия Карачиевского. У этого прекрасного автора есть свой потенциальный читатель, поэтому мы знаем, что они (книга и читатель) обязательно встретятся. Только произойдет это не сразу, вложенные в производство деньги обернутся не так быстро, как это требуется предприятию чисто коммерческому, но вот тут-то и следует прояснить нашу позицию.

Поначалу, создавая «Экслибрис», мы ставили перед собой задачу ликвидировать на нашем читательском рынке «белые пятна» как в отечественной, так и в мировой литературе, а затем вывести книгоиздательство на, скажем, общеевропейский уровень. Все это в определенной мере способствовало бы преодолению изоляции России, ее замкнутости, ее оторванности от остального, цивилизованного мира. Однако мы никак не предполагали, что наше СП «Слово» так быстро расширится и станет достаточно мощным и мобильным предприятием, способным реализовать все свои первоначальные замыслы. Сегодня ситуация такова, что ни правые, ни левые, ни консерваторы, ни демократы в убыток себе ничего издавать не будут, а ведь во всем мире серьезная, хорошая литература — убыточна. Престижные, известнейшие западные издательства понимают, что серьезная литература доходов не приносит, прибыль от нее иная: авторитет, хорошее имя, репутация. У нас пока не очень-то понимают, что это и есть главный капитал. Я это говорю не к тому, что нашему издательству не нужны деньги, но зарабатывать их можно по-разному, а уж тем более использовать...

Прибыль приносит нам множество изданий. Мы живем в такой стране, где можно стать миллионером, печатая «нон-стоп» «Дюймовочку» или «Красную Шапочку», — голод на хорошие детские книги не утолен за все годы перестройки, например, выпускаемый нами детский альманах «Ку-ка-реку!» перепродается спекулянтами у метро втрое-вчетверо дороже номинальной цены. Вероятно, не меньшим успехом будет пользоваться «Английская литературная сказка», а также серии «Английский исторический роман» и «Английский роман XX века».

«Экслибрис» был учредителем газеты для детей и взрослых «Кот и пёс».

Так что нельзя сказать, что мы выпускаем какую-то второсортную продукцию, чтобы потом иметь возможность финансово поддерживать хороших современных писателей. Никакими «своими принципами» мы не поступаемся: тот же альманах «Кука-ре-ку!», очень интересно сделанный молодыми художниками-авангардистами, во все не является уступкой рынку, как, впрочем, и многотомный «Английский детектив» или серия «Современный зарубежный детектив». Такая продукция тоже нужна, правда, при условии, что все — и переводы, и качество полиграфии будут высокого уровня. Разговор об этом, к сожалению, актуален, поскольку книжный рынок забит, перенасыщен малограмотными и бездарными переводами. Издательское дело — пока еще «золотая жила», к ней нередко припадают люди непрофессиональные, а то и просто не умеющие связать двух слов. Это раздражает, но, честно говоря, нам они не конкуренты, и чем дальше, тем больше будет увеличиваться этот разрыв — между нами и ними. Лучшие переводчики, лучшие редакторы — у нас; рынку же с течением времени все в большей мере будет требоваться качество, а не количество. Такая тенденция заметна уже и сегодня.

Шустрым дельцам не под силу, скажем, такое издание, которое придумала и осуществляет Лариса Беспалова, мой заместитель в «Экслибрисе» по переводной литературе, сама прекрасный переводчик с английского. Оно называется «Антология английской готики» (рассказы). I том включает в себя произведения с XVII века до первой мировой войны, II — современные новеллы вплоть до семидесятых годов. Думаю, бестселлером станет и том не переводившейся до сих пор у нас прозы Ивлиева Во.

Но давайте все же уйдем от конкретики — если даже просто начать перечислять авторов и названия издаваемых «Экслибрисом» книг, это займет очень много места. Если же говорить более общо о том, что происходит в сфере издательской деятельности, то пока можно лишь развести руками и повторить Карамзина, выразившего все одним словом: «Воруют». Законы не работают, правовые механизмы не действуют. Сколько выходит сборников переводных детективных повестей, изданных какими-то кооперативами. У переводчиков не спрашивают разрешения на публикацию и, разумеется, не платят. Можно, конечно, подумать, что с них взять, — страшные, мол, люди, не знают, что у переводчика существуют авторские права на русский текст, свой копирайт. Но нет: какие бы то ни было выходные данные у книги отсутствуют, даже название издательского кооператива не указано. Значит, знают что делают.

Другие, если не воруют, то спекулируют. Я, например, отправляю выпущенную нами книгу серии «Английский детектив» (стоимость одного тома 6 рублей) в уральские города — книги тут же возвращаются в столицу и перепродаются гораздо дороже.

— Какую часть от всего объема выпускаемой вами книжной продукции занимает переводная литература?

— Примерно процентов 25 — 30. Остальное — советская литература, русское зарубежье и книги для детей и юношества (раньше было такое клише). Отечественная литература — епархия Дианы Тавекелян, редактора высочайшего класса, она много лет проработала в журнале «Новый мир». Ее последняя гордость — трехтомник Фридриха Горенштейна, как сейчас стало понятно, одного из самых значительных наших современных прозаиков. Надо сказать, что в последние год-два произошла очень важная вещь: полностью исчез интерес к эмигрантской литературе как к чему-то крамольному, запретному, криминальному, то есть интерес в какой-то степени спекулятивный. Надо ли повторять, что сегодня это два естественных лика бытия одной и той же литературы.

Нас это очень радует, и мы с чистой совестью издаем писателей-эмигрантов не потому — что эмигранты, а потому — что писатели. На мой взгляд, удачным получился сборник произведений Сергея Довлатова; вышли в свет две книги Андрея Амальрика, по-новому раскрывающие его литературный талант: историческое исследование о Григории Распутине и «Записки диссидента»; мы получили новую рукопись Анатолия Гладилина — о его работе на радио «Свобода»; мы печатаем как «живых классиков» Абдурахмана Авторханова или Бориса Хазанова, так и совсем новые, неизвестные нашему читателю имена; тут можно назвать живущего в Англии Зиновия Зиника с его романом «Лорд и егеря»... Я увлекся. Ведь говорил же: стоит только начать перечислять... Но хочется упомянуть и еще об одном направлении нашей работы. Это будет называться «Домашняя библиотека».

Итак, «Экслибрис» — лишь часть совместного советско-британского предприятия «Слово». Работа издательства — это, если хотите, «Мария, избравшая благую часть», роль Марфы, с «заботой о многия дела», — моя. Марфа, как вы помните из Евангелия от Луки, и по дому, и по хозяйству... Однако нигде не сказано, что Христос осудил эту деятельность, — если почитать внимательно, то скорее наоборот. И сегодня эта сестра может быть даже нужнее, так как Мария без Марфы не проживет.

— Вы по профессии хозяйственник?

— Я по профессии философ. Сначала я занимался философией, потом защитил кандидатскую диссертацию и стал философию преподавать. Марксистско-ленинскую. Вскоре понял, что взрослому мужчине нельзя заниматься тем, чего нет. Как только я осознал, что ситуация в стране меняется бесповоротно, я ушел с кафедры, поскольку наконец-то появилась возможность заняться делом: свободно издавать свободных художников. Так что моя нынешняя работа тоже в определенной степени связана с философией, с понятиями свободы-несвободы. Сейчас я — свободный человек, так как я принимаю решения и совершаю поступки, за которые несу ответственность только я сам. Мои решения могут быть неверными, ошибочными, но бремя ответственности за них лежит только на мне. Осознание этого и есть свобода, хотя зачастую у меня — ни минуты свободной. Здесь нет

противоречия, просто большинство людей у нас в стране представляют себе свободу как лежание на диване и произнесение вслух всяких высоколбых глупостей. Несколько лет назад все получили возможность говорить что угодно, что хочешь. И что же — это сделало людей свободными? Нет. Во всем этом, на мой взгляд, попутно скрыта и суть того, почему советские люди с таким трудом адаптируются к жизни на Западе: они выросли социальными иждивенцами. Это и есть проявление психологии несвободы. Наше издательство — содружество свободных людей. Со мной, правда, не вполне в этом согласен главный художник «Экслибриса», замечательный книжный график Владимир Медведев, который частенько повторяет, что придет к власти в стране какой-нибудь большевик или кучка большевиков, в чьих глазах — как сказал Василий Аксенов — «не отражается ничего, кроме истории их партии», и всем нашим свободам может прийти конец. Во всяком случае, процесс нормализации в России может быть надолго приостановлен.

— Не хочется, конечно, так думать.

Вообще же издательское дело сродни виноградарству: посадивший лозу не ждет немедленной отдачи, его дело направлено на будущее, на много-много лет вперед. Так и лоза с прививкой подлинной культуры в конце концов даст свои плоды, если, разумеется, не явится какой-нибудь очередной Егор Лигачев и не прикажет все повредить... Мы видим свою миссию в том, чтобы дать людям вот этот таинственный, немеркнущий долгий свет, излучаемый даже одной хорошей книгой на протяжении всей жизни человека. Надеемся, что таким изданием может стать семитомник протоиерея Александра Меня, куда включены все, издававшиеся ранее только на Западе, основные работы выдающегося проповедника. Отдельным тиражом у нас вышла книга о. Александра «Православное богослужение. Таинство. Слово и образ».

Хорошие книги обладают удивительной способностью преподносить сюрпризы. Изданный нами «Дар» Владимира Набокова поначалу расходился — вопреки нашим ожиданиям — вовсе не так уж легко и быстро. Мы-то предполагали, что уж эту-то книгу с прилавков как корова языком слизет... Но вот прошло около полугода с момента выхода книги, весь тираж был раскуплен, и вот тут-то началось необъяснимое: спрос именно на это издание «Дара» стал расти с каждой неделей, а поскольку тираж уже разошелся, нас завалили заявками. Они были не только из нашей страны. Более того — когда я был по делам в Париже, то зашел в русский отдел магазина «Глоб» посмотреть, что продают они, и при случае показал несколько изданных нами книг, в том числе «Дар». Продащица мне тут же сказала, что несколько сот экземпляров

вот этой книги магазин у нас охотно бы купил. Я поинтересовался — неужели в Париже ощущается нехватка изданий Набокова, да еще на русском? Ничего вятного продавщица мне не ответила, но продолжала, однако, упорно повторять, что именно «Дар» и именно в таком издании они бы распродали очень быстро. Мистика. Иногда мы думаем, что знаем о деле, которым занимаемся, все. Оказывается — нет. Мы обязаны понимать, что, условно говоря, не имеем права отдавать предпочтение Толстому перед Достоевским, или, наоборот, — читателям нужен и тот, и другой. Понимание значения безоценочности приходит не так просто. Руководит же нами сознание того, что мы делаем важное и нужное дело, а на нашу респектабельность, наш престиж лучше всего может работать только высокий художественный уровень издаваемых «Экслибрисом» книг.

— В Советском Союзе было принято, что любая организация, имеющая постоянные контакты с западными партнерами, находится под наблюдением КГБ, в ней обязательно работают «свои люди». Как с этим обстоит дело в «Экслибрисе»?

— Вероятно, вы правы, — судя по всему, именно так всегда и было. Наверняка, правда, утверждать не могу. Что же касается нашего издательства, то идея создать такое предприятие родилась у меня на квартире, разумеется, по московской традиции, на кухне, где собралось несколько старых друзей, загоревшихся одним общим делом. В каком кухонном шкафчике прятались гебисты, я уж и не знаю. Ну, а если серьезно, то, извините, но в вопросе содержания сомнение, неверие в то, что можно вот просто так, несанкционированно что-то взять и организовать. Мне кажется, что здесь дают о себе знать наши пережитки, наши стари-и-инные болезни...

— Григорий Шагенович, вы весьма негативно упомянули о печатном буме в нашей стране, в результате которого буквально все завалено низкопробной продукцией. А вот если постараться попробовать оценить происходящий процесс без эмоциональной окрашенности, — просто как смену культурной формулы?

— Я уверен, что культура не должна стремиться к самоокупаемости, не должна быть на хозрасчете — это не ее задача, иначе она моментально превращается в свою противоположность. Так обстоит дело во всем цивилизованном мире. То, чем наполнен сейчас наш книжный рынок, во многом — макулатура. Называйте нас традиционалистами, консерваторами, но никогда из-под печатных станков нашего издательства подобная примитивная, оглушающая читателей дрянь выходить не будет. Ни за какие деньги. Даже «за все богатства Азии», — как соизволил выразиться когда-то Вильям Шекспир.

Беседовал с Г. ЕРИЦНЫМ В. ИВАНОВ